

Статьи. Исследования

Илья Б. Будрайтскис

МВШСЭН, Москва, Россия

Российская пенсионная реформа и сопротивление: уроки отсутствовавшего движения

Статья предлагает анализ событий лета — осени 2018 года, связанных с решением российского правительства о необходимости повышения пенсионного возраста. Определяющей чертой этой ситуации стал разрыв между резким ростом готовности к уличным протестам, декларируемой значительной частью общества, и скромным масштабом акций против пенсионной реформы, которые прошли в большинстве регионов страны. Несмотря на то что ключевые силы политической оппозиции активно выступили против планов правительства, протест против них не приобрел качества социального движения, объединенного общей идентичностью и требованиями. Чтобы дать объяснение этому феномену, автор подробно анализирует ход протестов лета — осени 2018 года, позиции их ключевых организаторов в рамках существующей политической системы, определяемой как «электоральный авторитаризм», и обусловленные ей препятствия к созданию общенационального социального движения.

Для того чтобы оценить возможный потенциал такого движения и его определяющие особенности, автор сопоставляет ситуацию вокруг пенсионной реформы и массовые выступления против «монетизации льгот» зимой 2005-го, которые заставили правительство пересмотреть принятые решения и обозначили «пределы либерализации» социальной сферы для всего последующего периода. Помещая противоречия российской социальной политики в международный контекст, автор обращается к опыту ряда движений в других странах, направленных против политики «строгой экономии» и приватизации, в которых так или иначе были связаны социальные и политические требования, а идентичность в значительной степени определялась влиянием левой традиции.

69

Будрайтскис Илья Борисович — преподаватель Московской высшей школы социальных и экономических наук, член редакционного совета «Художественного журнала». Научные интересы: политическая теория, теория истории, интеллектуальная история. E-mail: ibudraitskis@gmail.com
Ilya Budraitskis — lecturer of the Moscow school of social and Economic Sciences, member of editorial board of the “Moscow Art Magazine”. Academic interests: political theory, theory of history, intellectual history. E-mail: ibudraitskis@gmail.com

Ключевые слова: пенсионная реформа, неолиберализм, социальные движения, строгая экономия.

Илья В. Будрайтскис, MSSES, Moscow, Russia

Pension Reform and Resistance in Russia: Lessons from the Movement that Failed to Happen

70

This article offers an analysis of the events related to the decision of the Russian government to raise the retirement age, which took place during summer and autumn of 2018. The situation could be defined by a gap between the growing readiness to participate in street protests declared by a vast majority of Russian citizens and the modest scale of action against the pension reform which actually took place in most regions of the country. Despite the fact that key representatives of the political opposition actively denounced the plans of the government, the protests against these plans did not acquire the quality of a social movement united by a common identity and demands. To provide an explanation for this phenomenon, the author closely examines the course of the protests in summer and autumn of 2018, surveys the positions of their key organizers within the framework of the current political system termed “electoral authoritarianism” and investigates the obstacles that prevented the creation of a popular social movement. In order to assess the future potential of such a movement and its distinctive features, the author compares the movement against the pension reform to mass demonstrations against the “monetization” of social benefits in winter 2005, which forced the government to substantially revise the decisions made and defined the “limits to liberalization” of the social sphere until the recent reforms.

Placing the contradictions of Russian social policy in an international context, the author evaluates the experience of a number of movements against austerity and privatization policies in other countries, focusing on those where social and political demands were to a certain extent interconnected, and where the movements’ identity was largely determined by the influence of the left tradition.

Keywords: pension reform, neoliberalism, social movements, austerity

doi: 10.22394/2074-0492-2018-4-69-105

Российский премьер Дмитрий Медведев 14 июня 2018 года объявил о планах реформы, которая предусматривала повышение возраста выхода на пенсию до 65 лет для мужчин (с 60) и до 63 для женщин (с 55). На протяжении последующих четырех месяцев проект пенсионной реформы с незначительными смягчающими поправками (главной из которых стало снижение пенсионного возраста для женщин до 60 лет) был принят двумя палатами Федерального собрания и подписан президентом. За это время по стране прокатилась волна акций протеста, позиции правящей партии «Единая Россия» были серьезно поколеблены на региональных выборах [Руста-

мова, Горяшко, Козлов, 2018], а социологические опросы неизменно показывали недовольство реформой более 80% опрошенных [Опрос ФОМ, 2018]. Повышение пенсионного возраста стало не просто непопулярной мерой, но обозначило начало поворота в отношениях между государством и обществом, прежде в основном сохранявшем лояльность к решениям правительства. Дмитрий Медведев не случайно назвал решение о проведении пенсионной реформы «самым трудным за последнее десятилетие» [Антипова, 2018], явно отсылая к «монетизации льгот», вступившей в силу с января 2005 года.

Тогда, после масштабных протестов, правительство было вынуждено пойти на уступки и фактически частично вернуть социальные льготы в «натуральном» виде [Cook 2013; Wengle, Rasell 2008]. События 2005 года имели исключительное значение как первое массовое движение в постсоветской России, имевшее всероссийский характер и объединенное общими требованиями к властям [Robertson, 2011, p. 30]. Организованное сопротивление «монетизации» не только показало потенциал воздействия снизу на решения правительства, но также привело к замедлению темпов неолиберальных реформ в социальной сфере, обозначив «пределы либерализации» [Chandler, 2004; Stook, 2007]. Кроме того, массовые протесты зимы 2005 года дали мощный импульс развитию локальных социальных движений и независимых профсоюзов на протяжении последующего периода 2000-х — начала 2010-х годов [Клеман, Мирясова, Демидов, 2010]. Кампания против «монетизации льгот» также имела важное значение для становления радикальных левых групп, ориентированных на внепарламентскую политику и взаимодействие с низовыми социальными инициативами.

Более чем через десятилетие правительство снова предприняло действия, которые с большой вероятностью могли привести к появлению движения, в той или иной степени напоминающему массовые выступления начала 2005 года. Однако, несмотря на стремительный рост пассивного недовольства пенсионной реформой, протесты оказались немногочисленными, разрозненными и не смогли существенно скорректировать планы правительства. Отличительной особенностью ситуации вокруг планов пенсионной реформы, отмечавшейся многими комментаторами, стал разрыв между значительным числом тех, кто выражал готовность принять участие в акциях протеста (28% на конец июля, согласно опросам Левада-центра [Левада-центр, 2018]) и скромными показателями реальных демонстраций (в митинге, организованном КППФ в Москве 28 июля, приняло участие всего около 12 тысяч человек). В своем ретроспективном анализе причин такого низкого уровня мобилизации социолог Алексей Левинсон предположил, что они были прежде всего связаны с ожиданием, что президент в итоге откажется под-

писать закон в том виде, в каком он был предложен правительством и принят Государственной думой в двух первых чтениях. Таким образом, высокая готовность к протесту, оказывалась артикулированной в социологических опросах «формой надежды» на Владимира Путина, чьи рейтинги поддержки заметно снизились [Волков, 2018b] после его публичного согласия с необходимостью и неизбежностью повышения пенсионного возраста в специальном телеобращении 29 августа.

Действительно, поведение президента в период дебатов о реформе было крайне осторожным. Фактически на протяжении почти трех месяцев он уклонялся от каких-либо содержательных высказываний по этому поводу, обозначая открытость к аргументам за и против повышения пенсионного возраста и намекая на отсутствие предрешенности собственного финального решения. Его выступление 29 августа было построено как последовательный разбор всех ключевых моментов критики реформы и признание их несостоятельности. В этом обращении Путин также риторически «отреагировал на все основные страхи, связанные у людей с повышением пенсионного возраста» [Волков, 2018a], в то же время жестко акцентировал внимание аудитории на неизбежности и безальтернативности этой меры. Все это, безусловно, могло дезориентировать ту часть недовольных планами реформы, которые прежде одобряли деятельность президента и ожидали от него отмены или серьезной корректировки закона (согласно опросам, к середине лета к этой группе принадлежало около 18% населения [Гончаров, 2018]). Однако если представить, следуя за аргументом Левинсона [2018], декларированную готовность к протесту в качестве своеобразной «силы бессильных» (т.е. пассивной стратегии давления на власти, содержащей угрозу перехода к открытым действиям), почему заявление президента не привело к попытке эту угрозу осуществить?

Автор этого текста, принимавший участие в уличной агитации в рамках кампании против пенсионной реформы, часто слышал от московских прохожих (в своем подавляющем большинстве отрицательно относившихся к пенсионной реформе) в качестве основной реакции на заявление президента предположение о бесполезности акций протеста, так как «решение принято» и на его пересмотр уже невозможно повлиять. Такие реакции в большей степени отражают то, что социолог Лев Гудков [2018] описывает как «сознание наученной беспомощности», т.е. распространенный при помощи государства и масс-медиа общий пессимизм в отношении коллективных действий. Однако стоит также признать, что подобные настроения были связаны не только с воздействием пропаганды и впечатлением от категоричного заявления президента, но и с неоправданными

мися ожиданиями возможных массовых протестов в предшествующие два месяца.

Готовность к уличным акциям против пенсионной реформы не нашла практического выражения не столько в силу патернализма и пассивности общества, сколько по причине отсутствия организованного общенационального движения, в котором протестные настроения могли бы выразить себя политически. Иными словами, декларированное в социологических опросах недовольство реформой не смогло обрести в разрозненных митингах оппозиции то, что социолог Чарльз Тилли обозначал как «идентичность» социального движения — единый образ большинства, «нас», предъявляющих общие требования по отношению к их объекту (например, правительству или президенту) [Tilly, 2004, p. 151].

Для Тилли двумя другими необходимыми элементами любого социального движения являются программа (критика действий объекта, к которому выдвигаются требования) и позиционирование (*standing*) по отношению к остальным политическим акторам (например, к парламентским партиям, которые могут стать тактическими союзниками при том, что их цели во многом могут не совпадать с целями социального движения) [ibid.]. Отсутствие социального движения против повышения пенсионного возраста, с которым во многом были связаны пассивные ожидания недовольных реформой, таким образом, отразило не столько определенное ментальное состояние российского общества, сколько особенности политического ландшафта российского «электорального авторитаризма» [March, 2009, Golosov, 2011]. Место отсутствующего движения оказалось занято отчасти «управляемой оппозицией» [March, 2009, Robertson, 2011], в значительной степени лишенной самостоятельных политических целей, а отчасти — несистемными политиками (такими как Алексей Навальный), чьи цели во многом также расходились с целями потенциального социального движения против реформы.

Такое движение со всей необходимостью должно было не только обладать конкретными требованиями, обращенными к властям, но и предполагать собственную политическую субъектность, выходящую за пределы вопроса о допустимом возрасте выхода на пенсию. Так как сама пенсионная реформа представляла, по сути, «начало пересмотра социального контракта с государством о старости» [Гаазе, 2018], протест против нее неизбежно должен был бы включить в себя весь спектр вопросов, связанных с расхождением между социальным характером российского государства (декларированным в его Конституции) и его практическим отказом от социальных обязательств во всех сферах (включая образование, медицину, защиту трудовых прав и т.д.) [Матвеев, 2015; Cook, 2007]. Таким об-

разом, повестка движения против пенсионной реформы предлагала бы определенный политический ответ на вопрос, который так или иначе ставит любое социальное движение: кто обладает суверенностью — «государственные институты или люди, которых они стремятся представлять» [Tilly, 2004, p. 13]. Можно сказать, что этот ответ органически связан с политическими программами левых сил, в основе которых лежит противопоставление интересов общества и потребности рынка в дерегуляции и коммодификации всех сфер общественной жизни [Kouvelakis, 2016; Харви, 2007]. За последнее десятилетие в Европе и Латинской Америке все многообразие движений, созданных для противодействия урезанию социальных расходов (так называемой «политике строгой экономии») или коммерциализации социальной сферы так или иначе определяло свою идентичность через критику экспансии рынка [Treborn, 2014].

74

Некоторые комментаторы связывали отсутствие массового движения против российской пенсионной реформы с более общей спецификой постсоциалистических стран, для которых общественная солидарность была возможной лишь на основе политических (таких как борьба за демократию), а не социально-экономических вопросов [Иноземцев, 2018]. В Восточной Европе определяющей оказывалась борьба за демократические свободы и гражданские права, тогда как экономические решения оставались принципиально деполитизированными и не вызывали протестов, требования которых выходили бы за рамки партикулярных групп, затронутых этими решениями. Этот аргумент в значительной степени опровергается практикой социальных движений не только в России, но и на постсоветском пространстве. Так, кампания против вырубке Химкинского леса в Подмосковье в 2011 году вышла за рамки интересов локального сообщества, получила общенациональный резонанс и во многом стала преемственной к последующим массовым акциям «За честные выборы» зимы 2011/2012 гг. А общественная кампания ElectricEgevan 2014 года в Армении, направленная против роста тарифов на электроэнергию, напрямую предшествовала политической революции весны 2017-го, в которой слились протест против социального неравенства и узурпации власти правящей Республиканской партией [Andreasyan, Derluguian, 2015].

В то же время презентация тех или иных экономических решений как неполитических и не составляющих объекта публичной дискуссии, является необходимым универсальным сопровождением неолиберальных реформ. В полном соответствии с этим канонем «деполитизации социальных вопросов» [Brown, 2006] российское правительство с самого начала пыталось придать пенсионной реформе качество технического решения, предопределенного обстоятельствами демографии и бюджетного дефицита. По этим же при-

чинам предложение ряда оппозиционных партий вынести вопрос о пенсионной реформе на референдум критиковалось проправительственными масс-медиа как безответственное и популистское [Иванова, 2018].

Стоит вспомнить, что в 2004 году «монетизация льгот» была также представлена правительством как не имеющая отношение к политике «объективная необходимость», хотя, как отмечает Джули Хэммент, эта реформа «была в высшей степени политическим процессом» [Hemment, 2009, p. 48]. Внушительное падение рейтингов популярности президента и «Единой России» после принятия пенсионной реформы в сентябре 2018 года доказывает, что большинство населения оказалось вполне способно установить связь между экономическими решениями и политической волей правящей элиты, однако эта «политизация» в силу ряда причин не нашла свое выражение в массовом политическом действии снизу.

В своей статье я предприму попытку сопоставления российских событий 2005 года, связанных с «монетизацией льгот», и ситуации вокруг пенсионной реформы лета — осени 2018 г. Я остановлюсь на анализе хода протестов против повышения пенсионного возраста в этот период, а также позиций их ключевых организаторов в рамках существующей политической системы. Затем будет кратко описан опыт ряда движений в других странах, направленных против политики «строгой экономии» и приватизации, в которых так или иначе были связаны социальные и политические требования, а идентичность в значительной степени определялась влиянием левой традиции. Наконец, я попытаюсь определить причины, по которым аналогичное движение не смогло сформироваться в России в середине 2018 года, и дам некоторые прогнозы относительно будущего социальных движений в нашей стране.

75

Протесты 2005 года и «пределы либерализации»

Призрак движения против «монетизации льгот» 2005 года преследовал российское правительство в период подготовки к проведению пенсионной реформы, и политические усилия властей во многом определялись необходимостью минимизировать причины, которые могли бы привести к его повторению.

Эти усилия не представляли собой принципиально новой практики и были связаны с общим характером российского политического режима, который чаще всего принято определять как «гибридный» или «электоральный авторитаризм» [March, 2009; Robertson, 2011; Diamond, 2002]. При всем концептуальном различии этих дефиниций, обе они сходятся в том, что этот режим соединяет в себе элементы ограниченной политической конкуренции

и авторитарного контроля. Если «чистая демократия» гарантирует легальность любого публичного протеста, а «чистый авторитаризм» гарантирует его полную нелегальность, то «промежуточный» по отношению к ним политический режим предполагает гибкое сочетание репрессий и запретов с ограниченным обеспечением свободы собраний. По остроумному замечанию Ричарда Саквы (обыгрывающего определение Герберта Маркузе), если рыночная демократия нейтрализует внепарламентский протест при помощи инклюзивной «репрессивной толерантности», то российский «гибрид» решает эту задачу посредством «избирательной не-толерантности» [Sakwa, 2013, p. 220]. В своей книге о российском протестном движении 2000-х Грэм Робертсон полагает, что подобная ограниченная легальность протеста в рамках «гибридного режима» делает его более уязвимым к требованиям, выдвигаемым снизу, так как они, с одной стороны, легально присутствуют в публичном пространстве, а с другой — выпадают из привычных механизмов разрешения конфликтов внутри элиты. В итоге «гибридный режим» не может полагаться исключительно на репрессии и вынужден так или иначе содержательно реагировать на предъявляемые требования. Собственно, одним из примеров такой реакции (фактических уступок), по мнению Робертсона, являются действия российского правительства перед лицом массового движения против «монетизации льгот» зимой 2005 года [Robertson, 2011]. Однако каждый новый вызов такого рода приводил российский режим к необходимости усовершенствования набора практик политической манипуляции: усиления неформального контроля над организациями («организационной экологией»), востребованных в случае новых протестов, обеспечения консенсуса внутри элиты вокруг планов реформ (в особенности «непопулярных»), а также совершенствования механизмов поддержки снизу, которые могли бы сбалансировать активные проявления недовольства.

76

За протестами против «монетизации» непосредственно последовало появление лоялистских политических и волонтерских молодежных групп [Nemment, 2009, p. 48]. В то же время значительно активизировался управляемый из Администрации президента процесс по созданию лояльной левоцентристской партии (будущей «Справедливой России»), которая могла ослабить КПРФ и расширить базу поддержки президента [March, 2009, p. 513]. Забегая вперед, можно констатировать, что ответом на следующий серьезный вызов движения снизу — протесты против фальсификаций на парламентских выборах 2011-2012-х годов — стало не только возвращение прямых выборов глав регионов, но также «консервативный поворот» российского режима, призванный зафиксировать новые идеологические основания массовой поддержки президента, а за-

тем, после начала украинского конфликта, патриотическая мобилизация на основе «крымского консенсуса» [Калинин, 2014]. Последствия этой мобилизации помогли обеспечить убедительную победу Владимира Путина на президентских выборах в марте 2018-го, что было воспринято как «окно возможностей», т. е. надежное основание для проведения необходимых в ситуации падения доходов бюджета непопулярных реформ [Кудрин, 2018].

Можно выделить несколько причин, сочетание которых в начале 2005 года привело к подъему массового движения против «монетизации». Во-первых, власти не предполагали появления протестов после вступления в силу закона № 122 (предполагающего «монетизацию льгот»), так как его обсуждение в Государственной думе летом 2004 года не вызвало большого общественного резонанса. Кампания левых групп и независимых профсоюзов против его принятия оказалась изолированной, а пропагандистское сопровождение «монетизации» на государственных телеканалах казалось энергичным и убедительным. Тем не менее (и это вторая важная причина) с 1 января 2005 года отмена «натуральных» льгот затронула одновременно сразу несколько социальных групп (пенсионеров, инвалидов, студентов и др.) и оказала шоковое воздействие. Наконец, принципиально, что первые протестные акции, во многом определившие характер всех последующих выступлений, прошли 9–10 января 2005 года в подмосковных городах Солнечногорске и Химках. Оба этих города, с одной стороны, находятся недалеко от столицы и не выносятся на «информационную периферию», а с другой, выглядят как относительно «типические» для большинства населения страны по сравнению с богатой Москвой. Несмотря на то, что в этих митингах приняли заметное участие различные левые группы, они выглядели как стихийный и неполитический протест, который к тому же быстро вышел из-под контроля официальных организаторов (из местных отделений КПРФ) и в обоих случаях завершился попытками блокады автомагистралей. Этот общенародный и стихийный характер протеста в первые недели выступлений дезориентировал правительство, так как не поддавался нейтрализации в рамках регулируемого сверху политического процесса.

Как отмечает Джули Хэммент, хотя «монетизация» в целом и была связана с нелиберальной установкой на урезание бюджетных расходов, «льготники» не были стигматизированы как социальные иждивенцы, а сами льготы воспринимались не как пособие для бедных, но напротив, как признание заслуг перед обществом [Hemment, 2009, p. 40]. Предложенная правительством «монетизация», то есть замена «натуральных» льгот (прежде всего бесплатного проезда в общественном транспорте и освобождение от части

коммунальных платежей) на их денежный эквивалент, воспринималось не только как экономически несправедливое, но и направленное на понижение их социального статуса. Таким образом, в протесте против «монетизации» с самого начала присутствовали почти все основные черты общенационального социального движения, выходявшего за пределы партикулярных интересов и предъявлявших свои требования правительству напрямую, без политических посредников.

Эти черты, так или иначе объединяющие участников любых социальных движений, Чарльз Тилли определял как достоинство, единство, массовость и верность (worthiness, unity, numbers, commitment — WUNC, в аббревиатуре, которую предпочитает использовать Тилли [Tilly, 2004, p. 3]). Достоинство здесь означает момент самоуважения в публичной репрезентации: трезвость, приличную одежду, присутствие среди участников публичных акций стариков, женщин с детьми или священников. Единство социальных движений выражается символически — через общность лозунгов, песен, слоганов, знаков на одежде. Массовость достигается через демонстрацию масштаба поддержки выдвигаемых требований (многочисленность уличных акций, сбор подписей, публичное зачитание коллективных писем и т. д.). Верность — через наглядную готовность к сопротивлению обстоятельствам, стойкость перед лицом репрессий, взаимопомощь и самопожертвование.

78

Важно отметить, что момент достоинства особенно отчетливо присутствовал в протестах против «монетизации», где большинство ораторов на митингах неизменно составляли не партийные активисты, а пострадавшие от «монетизации» уважаемые члены общества — ветераны Второй мировой и афганской войн, многодетные матери или ликвидаторы Чернобыльской аварии. Скорые уступки со стороны правительства, а также активное включение в определение стратегии протестов системных партий (прежде всего КПРФ) не дали протестному движению в полной мере развить остальные элементы WUNC (и в особенности символическое единство).

На протяжении 2000–2010-х в своей публичной репрезентации другие социальные движения в России также ярко проявляли черты достоинства или готовности к взаимопомощи и самопожертвованию (например, участники многочисленных выступлений против «уплотнительной застройки» в мегаполисах или водители-дальнобойщики, объявившие всероссийскую забастовку в ноябре 2015 года). Однако никогда после протестов зимы 2005 года они не приобретали такой массовости, общенационального масштаба и не могли так ясно обозначить свою идентичность в качестве представителей большинства, «нас», которые от имени этого большинства выдвигают правительству требования.

Общественный резонанс и декларируемая готовность к действию, сопровождавшая объявление о начале пенсионной реформы летом 2018 года, сигнализировали о возможности появления движения, в чем-то воспроизводящего описанные выше определяющие черты протестов зимы 2005 года. Почему этого не случилось? И в какой степени этому препятствовали балансирующие механизмы российского режима, а в какой — особенности политической культуры российской оппозиции?

Протесты против пенсионной реформы и причины их поражения

Действия российских властей в контексте подготовки к повышению пенсионного возраста летом 2018 года сочетали в себе продуманность стратегии и относительную слабость пропагандистского сопровождения. Анализ этой комбинации во многом позволяет оценить как возможный потенциал массового движения против повышения пенсионного возраста, так и причины, по которым он остался нереализованным.

В своем стремлении обеспечить пенсионной реформе массовую поддержку чиновники, эксперты правительства и лоялистские масс-медиа в основном использовали три аргумента, которые можно описать как необходимость, рациональное преимущество и активное долголетие. Согласно первому из них, необходимость реформы определялась исключительно старением населения и сокращением числа работоспособных. Солидарная пенсионная система, существующая в стране, не оставляла никакого другого выхода из этого положения, кроме повышения пенсионного возраста. Второй аргумент заключался в том, что проведение реформы позволит серьезно повысить размер реальных пенсий, а третий сводился к тому, что повышение возраста выхода на пенсию позволит продлить активный период жизни и создать новые возможности для самореализации. Сложно не заметить, что оба последних находились в противоречии с первым с точки зрения мотивации правительства при проведении реформы, что серьезно подрывало доверие аудитории, которой эти аргументы предъявлялись. Тем не менее общим у них было стремление подвергнуть сомнению представление об общности интересов и солидарности поколений: уже достигшие пенсионного возраста выигрывали за счет тех, кому только предстояло выйти на пенсию, а молодежь в свою очередь предположительно была заинтересована в том, чтобы сократить бремя содержания растущего количества пенсионеров.

Подобная установка на стимуляцию конкуренции между индивидами и поколениями очевидно апеллировала к действительной

атомизации российского общества и относительной восприимчивости молодого поколения к неолиберальной рациональности и подозрению к любым формам перераспределения доходов [Юдин, 2018]. Тем не менее уровень одобрения реформы оказался низким во всех возрастных группах [Гончаров, 2018], что отражало как общее недоверие к государственной социальной политике, так и устойчивое представление о пенсии как о «компенсации за труд, который человек потратил во благо государства и общества, на создание коллективного блага» [Там же]. Иными словами, как и в свое время «монетизация льгот», пенсионная реформа воспринималась не только в контексте материальных потерь, но и как покушение на принцип справедливости и достоинства большинства. В результате неубедительная пропаганда лишь акцентировала наличие общего интереса, оказавшегося под угрозой, и создала дополнительные предпосылки для артикуляции противостоящего правительству большинства, «нас», необходимой для потенциального социального движения.

80

Вместе с тем стратегически проведение реформы было хорошо подготовлено: заявление премьера Медведева и ее обсуждение в Государственной думе пришлось на период летних отпусков, а также совпало с проведением Чемпионата по футболу, что предположительно должно было вытеснить ее из информационной повестки. Кроме того, проведение Чемпионата фактически позволило ввести временный запрет на любые публичные уличные акции во всех городах, где проводились игры (включая Москву и Санкт-Петербург). Важно, что план пенсионной реформы был представлен как инициатива правительства, поддержанная правящей партией «Единая Россия», тогда как президент Путин последовательно уклонялся от однозначных высказываний в ее поддержку. Таким образом, озвученные параметры реформы предлагались как основа для диалога, к которому приглашались «конструктивные силы» (парламентская оппозиция и профсоюзы), и отсекались все, кто «политизирует» вопрос повышения пенсионного возраста, то есть использует его в своих политических интересах, отличных от интересов большинства. Это разделение обозначило основу для последующего отсутствия единства действий оппозиции реформе, которое сыграло во многом определяющую роль в том, что массовые надежды на появление социального протестного движения не были реализованы.

Можно предположить, что такое движение могло бы возникнуть как результат одного из двух сценариев: 1) «единого фронта», через учреждение общественной кампании против пенсионной реформы, объединяющей все оппонирующие ей политические силы и общественные организации, которая смогла выступить как инициатор и организатор общенациональной акции протеста; 2) «стихийного», то есть так или иначе повторяющего ситуацию 2005 года,

когда локальное выступление в «типическом» российском городе смогло бы создать образ «достоинства, единства, массовости и верности» (WUNC) [Tilly, 2004, p. 3], который затем бы распространился в масштабе всей страны.

Сложно суммировать все причины, которые не привели к осуществлению «стихийного» сценария, однако в качестве одной можно назвать отсутствие «типического» российского региона или города, в котором могло бы произойти такая символически важная акция. Хотя последствия пенсионной реформы затрагивали интересы большинства, в разных частях страны она оказывалась наиболее чувствительной для разных групп населения. Так, если регионы Европейской России отличаются более высокой долей жителей пенсионного и предпенсионного возраста, то наибольшее количество социально незащищенных (для которых соответственно пенсия и социальные пособия более значимы как источник дохода) сосредоточено на Северном Кавказе, Дальнем Востоке и Сибири [Петров, Кынев, Титков, 2018]. Тем не менее массовое выступление в одном из этих потенциально склонных к протесту регионов вполне могло бы создать образ массового движения, через который себя могли бы выразить представители самых разных социальных и возрастных групп. Другой, возможно, определяющей причиной стал поэтапный характер повышения пенсионного возраста, который исключал шоковый эффект одновременной потери, определивший характер протестов против «монетизации» в подмосковных городах зимой 2005 года.

81

В этой ситуации реализация первого сценария — общественной кампании, объединяющей всех противников реформы, — оказывалась единственной возможностью появления движения, способного артикулировать общее настроение протеста относительно нарушенного «социального контракта о старости» [Гаазе, 2018] и правительственной установки на политику «строгой экономии». Для учреждения такой кампании было необходимо, во-первых, создать относительно нейтральную площадку для взаимодействия политических сил, которые прежде принципиально дистанцировались от возможности каких-либо совместных действий, и, во-вторых, создать атмосферу давления снизу, которая бы превращала отказ от такого взаимодействия в реальную угрозу потери поддержки и маргинализации для каждой из этих политических сил. Таким образом, учреждение подобной общественной кампании в актуальном российском контексте означало бы пересмотр положения «парагосударственных партий» [March, 2009, p. 505] (КПРФ, ЛДПР и «Справедливой России») в системе «электорального авторитаризма», а также интегрированных в эту систему официальных профсоюзов (ФНПР). В то же время это потребовало бы принципиальной корректировки

стратегии движения сторонников Алексея Навального, персоналистский характер которого всегда был связан с отказом от любых коалиций и коллективного принятия политических решений.

Иными словами, возможность создания подобного «единого фронта» против повышения пенсионного возраста не только могла бы изменить планы правительства в этом направлении, но также означала бы серьезный вызов существующей политической системе, способный привести к изменениям внутри сложившегося «гегемонического блока» [March, 2009, p. 510]. Очевидно, что такая общественная кампания могла бы появиться лишь через преодоление сопротивления практически каждого из потенциальных участников, определенно не готовых к пересмотру своей актуальной позиции в рамках существующего политического порядка. Вопрос пенсионной реформы и сконцентрированные вокруг него массовые ожидания социального движения, таким образом, оказывались неразрывно связаны с определяющими особенностями политической композиции российского режима и тем, какое место в ней занимают как «парагосударственные партии», так и внесистемная оппозиция. Для подтверждения этого тезиса попробуем коротко рассмотреть основные моменты протестных выступлений лета — осени 2018 года и той роли, которую в них играли различные политические силы.

82

Вскоре после заявления премьера Медведева о проекте пенсионной реформы на интернет-платформе change.org была опубликована петиция протеста, которая в течение недели собрала более миллиона подписей (а к концу июля количество подписантов уже превысило 2 млн) [Петиция КТР, 2018]. Эта петиция была создана Конфедерацией труда России (КТР) — профсоюзным объединением, идейно и организационно противопоставлявшим себя официальным профсоюзам (ФНПР). Наследуя традиции «свободных профсоюзов» конца 1980-х — начала 1990-х, КТР на протяжении последнего десятилетия содействовало юнионизации в ситуации трудовых конфликтов как на корпоративных предприятиях, так и в бюджетной сфере. Конфедерация труда также всегда дистанцировалась от прямой политической аффилиации, однако декларировала необходимость независимого «политического представительства профсоюзов» [Декларация КТР, 2011] и регулярно сотрудничала с различными внепарламентскими левыми группами. В то же время нельзя сказать, что это профсоюзное объединение было полностью исключено из существующей политической системы. Так, президент КТР Борис Кравченко является членом Совета по правам человека при Президенте и представляет профсоюзы в Российской трехсторонней комиссии, а вице-президент Олег Шеин — депутатом Государственной думы от партии «Справедливая Россия».

В конце июня КТР заявила о готовности создать оргкомитет единых действий, к участию в котором приглашались представители парламентской оппозиции, несистемных левых групп и общественных организаций [Кудюкин, 2018]. Согласно замыслу КТР, речь шла не просто о координации усилий, но о единообразной общественной кампании, которая могла бы привлечь рядовых активистов, не принадлежащих ни к одной из организаций-участников. Эта кампания, носившая название «Народ против», смогла бы придать протестам против пенсионной реформы символическое единство и объединить их вокруг общих требований. Первоначальный успех петиции на change.org, во многом связанный с ее непартийным характером, показал потенциальные возможности подобной кампании. При этом важно, что петиция содержала не только критику планов правительства, но и предлагала альтернативный способ избавления от хронического дефицита Пенсионного фонда: борьбу с теневой занятостью и обусловленным ей «законодательным бесправием работников, не позволяющим эффективно бороться за свои трудовые права» [Петиция КТР, 2018]. Таким образом, предполагаемые общие требования кампании «Народ против» связывали протест против пенсионной реформы с изменением баланса сил на рынке труда в пользу наемных работников, реализацией декларированных в Конституции принципов «социального государства» и усилением роли профсоюзов в российском обществе.

83

Организационная модель и характер требований кампании «Народ против» во многом использовали опыт движений против политики «строгой экономии» и неолиберальных реформ в странах ЕС и Латинской Америки. Основным отличием — и главной слабостью этой кампании — оказалась неспособность создать сеть непартийных активистов на местах, которая могла бы оказать достаточное давление на политические партии и принудить их к единству действий. Вторым существенным фактором неудачи кампании «Народ против» стало то, что ее лидеры быстро утратили инициативу репрезентации протеста против пенсионной реформы, которую они получили на короткое время после успеха онлайн-петиции.

Системные и внесистемные политические силы, — прежде всего КПРФ и Алексей Навальный, также сразу обозначили свое несогласие с планом пенсионной реформы и призвали к акциям протеста [Постановление V Пленума ЦК КПРФ, 2018; Ефимова, 2018]. Однако эти призывы предполагали автономное ведение кампаний, не были связаны с необходимостью единства действий, и главное — не были ориентированы на создание инклюзивного социального движения, обладающего собственной идентичностью.

Первая волна митингов протеста прокатилась по стране 1 июля. Большинство этих митингов были согласованы с властями и не вы-

звали жесткого противодействия. В то же время ограничения, связанные с Чемпионатом мира по футболу, не позволили провести какие-либо публичные акции в Москве, Санкт-Петербурге и ряде других мегаполисов. Тем не менее в них приняли участие десятки тысяч человек, а самыми крупными стали митинги в Омске (4,5 тысяч участников), Челябинске, Томске и Комсомольске-на-Амуре. В разных регионах их организаторами выступили сторонники Навального, местные организации КПРФ, ФНПР и кампании «Народ против». Несмотря на это фактическое единство действий, протесты против реформы не носили характера массового социального движения, с которым могли бы ассоциировать себя миллионы пассивных противников повышения пенсионного возраста.

Первый митинг в Москве состоялся 18 июля и собрал около 3000 участников. Такая скромная цифра во многом связана с маневрами московского правительства, которое лишь в последний момент согласовало площадку для его проведения (в отдаленном от центра парке Сокольники). Тем не менее, по личным наблюдениям автора, большинство участников этого митинга не принадлежали к политическим партиям и скорее представляли категорию «обеспокоенных граждан», имеющую принципиальное значение для репрезентации потенциально массового социального движения. В Санкт-Петербурге в этот день также прошла акция, организованная коалицией местных оппозиционных групп (преимущественно левоориентированных) и выступавшая под общей рамкой кампании «Народ против». К началу августа география протестов уже охватывала более 280 городов, а в акциях протеста по стране приняло участие в совокупности около 225 000 [Карта протестов КТР, 2018]. Тем не менее к концу июля их характер становился все более политически разобщенным.

Решающим ударом по призрачному единству действий против реформы стало проведение 28 и 29 июля двух митингов в центре Москвы, фактически конкурировавших друг с другом. Первый, собравший более 10 тысяч участников, прошел по призыву КПРФ и в целом соответствовал сложившейся политической и организационной практике, характерной для этой партии. Большинство выступающих составляли партийные функционеры (включая многолетнего лидера КПРФ Геннадия Зюганова), которые не только критиковали повышение пенсионного возраста, но и призывали поддержать партийных кандидатов на предстоящих региональных выборах в сентябре. Организаторы митинга не только не пытались создать новую идентичность движения против реформы, но и подчеркивали его преемственность с собственными регулярными практиками «протестных действий». В соответствии с организационной традицией КПРФ, инициаторами таких действий всегда

выступает широкая коалиция, по факту представляющая набор аффилированных с партией групп, не обладающих политической субъектностью. Так, накануне митинга лидер КПрФ Зюганов на вопрос о том, готова ли партия выступить единым фронтом с другими силами против пенсионной реформы, ответил следующим образом: «у нас на обсуждении в протестном штабе было 53 организации, в том числе различные профсоюзы — женские, студенческие, ветеранские, военно-патриотические, писательские и так далее. Все, кто захочет, будут участвовать, и мы всех приглашаем» [Зюганов, 2018].

Митинг, состоявшийся на следующий день (29 июля), был организован Либертарианской партией и публично поддержан Алексеем Навальным (который, однако, воздержался от выступления на нем). Он собрал меньше участников, большинство из которых, однако, по идеологическим причинам не готовы были принять участие в митинге КПрФ, прошедшем на день раньше. Проведение политически ангажированных отдельных акций в конце июля стало важным аргументом правительственных медиа, которые изображали их организаторов в качестве политиканов, использующих вопрос пенсионной реформы в собственных интересах. Этот тезис, подтвержденный фактом публичного отсутствия единства противников реформы, серьезно дезориентировал многих потенциальных участников протестных митингов, которые теперь боялись оказаться заложниками чужих политических амбиций.

Последующие акции протеста, запланированные разными политическими силами на начало сентября, уже не смогли привлечь значительного количества участников, не относившихся к сложившимся группам поддержки КПрФ или Алексея Навального. Дополнительным фактором разочарования в протесте стал эффект от обращения президента Путина 29 августа, о котором мы уже упоминали выше.

Так, 2 сентября в Москве в разных частях города и в одно и то же время (!) состоялись два митинга против реформы, один из которых был организован КПрФ, а второй — партиями «Справедливая Россия» и «Яблоко» и кампанией «Народ против». Оба митинга в совокупности не смогли достигнуть даже численных показателей июльской акции КПрФ. Показательно, что эти события уже практически не освещались проправительственными СМИ [Гавалова, Обухов, 2018]. По призыву Алексея Навального 9 сентября в ряде городов прошли акции протеста, причем проведение большинства их не было согласовано местными властями. Эти акции, сопровождавшиеся активным противодействием полиции и массовыми задержаниями, были во многом идентичны как символически, так и по составу участников, выступлениям против коррупции, организованным

сторонниками Навального в 2017-м — начале 2018 года. Несмотря на то что сам Алексей Навальный с конца июня 2018 года поместил критику пенсионной реформы в центр своей повестки, его аудитория осталась в основном прежней. По оценке социологов, «политик пользуется поддержкой прежде всего у молодых, состоятельных, образованных жителей Москвы и крупнейших российских городов», для которых «в целом не очень понятны вопросы социальной справедливости и пенсионной реформы» [Волков, 2018b]. Акции сторонников Навального в целом, безусловно, носившие более яркий характер, чем митинги КПРФ, также оттолкнули значительное количество противников пенсионной реформы (прежде всего предпенсионного возраста), которые не готовы принять их конфронтационный характер. Действительно, итоги акций 9 сентября в полной мере подтвердили устоявшуюся связь призывов Навального с риском арестов или избиений рядовых протестующих со стороны полиции. Именно в этот день власти в наибольшей мере с начала движения против пенсионной реформы обнаружили характерную «избирательную нетолерантность» [Sakwa, 2013, p. 220], отказав в большинстве регионов в возможности провести согласованные акции [ОВДИНфо, 2018] и проведя превентивные задержания их организаторов [Воронин, 2018]. Особенно конфликтная ситуация сложилась в Санкт-Петербурге, где мэрия в последний момент изменила собственное решение и (вероятно, под давлением Администрации президента [Карпенко, 2018]) отменила данное ранее разрешение на проведение митинга. В результате по итогам акции было задержано около 600 человек, 70 из которых подвергли административному аресту. Меньшие по масштабам, но также достаточно массовые задержания произошли в Москве и других городах.

86

В качестве курьеза, рельефно отражающего характерные для российского «электорального авторитаризма» практики управления протестом, можно также привести автономную кампанию против пенсионной реформы, организованную в августе лоялистским патриотическим движением Сергея Кургияна «Суть времени». Следуя своей конспирологической гипотезе, согласно которой Владимир Путин является заложником в руках тайных враждебных элит, активисты «Суты времени» собрали на улицах крупных городов около миллиона подписей под обращением к президенту с просьбой остановить повышение пенсионного возраста [Новая газета, 2018]. Результатом этой кампании стала еще большая дезориентация пассивных противников реформы, которые не могли понять связи между своей поддержкой этого обращения и необходимостью участвовать в публичных акциях протеста.

Проект пенсионной реформы с учетом поправок, предложенных Путиным, 27 сентября принят Государственной Думой в третьем

чтении, а затем в течение нескольких дней поддержан Советом Федерации и подписан президентом. К этому моменту публичная кампания против пенсионной реформы уже практически не велась ни одной из политических сил.

События вокруг проекта пенсионной реформы лета и ранней осени 2018 года позволяют еще раз оценить позицию каждой из основных политических сил, призывавшей к акциям протеста. Ни одна из них фактически не была заинтересована в единстве действий и серьезном расширении аудитории кампании протеста за пределы своей сложившейся группы поддержки. Для КППРФ характерна «диверсифицированная стратегия» (по определению политолога Григория Голосова), обусловленная местом этой «парагосударственной» партии в рамках сложившейся системы электорального авторитаризма, которая заключается в постоянном лавировании, чтобы, «с одной стороны, не вызвать большое раздражение у Кремля, а с другой — укрепить свою электоральную базу» [Половинко, 2018]. Последней задаче полностью соответствовал и призыв коммунистов к проведению референдума по вопросу о пенсионной реформе, на подготовку которого были брошены основные силы партийных активистов. Эта инициатива, в результате предсказуемо отвергнутая ЦИК [Хамраев, 2018], помогла задать динамику партийным мероприятиям против реформы и совпала с агитационными задачами КППРФ в контексте предстоящих региональных выборов. В то же время сбор подписей в поддержку референдума задал цель, альтернативную по отношению к необходимости повлиять на результаты голосования за реформу в парламенте при помощи уличных мобилизаций. Эти особенности политического поведения КППРФ, ставшие одним из основных препятствий для потенциального широкого и надпартийного социального движения против пенсионной реформы, соответствуют как специфическому положению партии в рамках «электорального авторитаризма», так и основным чертам этой конструкции в целом.

Британский исследователь Люк Марш определяет ее как «систему гегемонических партий», аналоги которой можно обнаружить в недавней политической истории Мексики или Тайваня. В рамках этой системы оппозиция представляет собой «парагосударственные» партии, действующие в рамках ограниченной конкуренции с «партией власти». Принципиально, что «парагосударственные партии» не являются чистой фикцией, но, обладая большей или меньшей автономией, играют важную институциональную роль. Они непосредственно обращаются к обществу, представляя альтернативную точку зрения, рекрутируют элементы элиты, обеспечивая «социальные лифты» за пределами доминирующей партии, и в целом стабилизируют режим [March, 2009, p. 505], с одной стороны, вы-

ступая организатором политических или социальных протестов, с другой — помогая «управлять» ими [Robertson, 2011, p. 15]. Это положение подразумевает подвижность «парагосударственной партии», обладающей «ограниченным правом голоса» [Gvozdev, 2002, p. 493], которое предопределяет ее зависимость от власти, но также наделяет определенной автономией и делает чувствительной к давлению снизу. Иными словами, это элемент гегемонии, который потенциально может сыграть роль в ее нарушении. В реальной практике КПРФ это институционализированное противоречие выражается в сочетании радикальной риторики и консервативной практики. Так, пенсионная реформа, с точки зрения КПРФ, соответствует интересам «крупного капитала», которые защищают власти [Постановление Пленума ЦК КПРФ, 2018], а общая партийная риторика, включающая неизменную приверженность социализму, заставляет политических исследователей безусловно классифицировать КПРФ как «радикальных левых» [March, 2012, p. 316]. В то же время партия открыто рассматривает электоральные кампании как главное направление своей работы и старательно препятствует выходу уличных протестных акций за рамки дозволенного. Показательно, что в своих выступлениях против повышения пенсионного возраста лидеры партии старались избегать прямой критики президента, возлагая ответственность на премьера Медведева и «либеральные силы» в российском правительстве [Зюганов, 2018].

88

В рамках российского «электорального авторитаризма» КПРФ традиционно представляет интересы тех, кто не только в наибольшей степени страдает от пенсионной реформы, но и потенциально готов выразить свой протест (прежде всего в электоральном поле). Как отмечал социолог Денис Волков, «чрезмерная осторожность и полумеры очень чутко воспринимаются избирателями, поэтому в искреннее желание коммунистов отстаивать интересы избирателей до конца многие могут не поверить» [Волков, 2018b]. Можно предположить, что в ситуации серьезного давления снизу КПРФ вынуждена была бы изменить своим привычным практикам и присоединиться к процессу, которым она не смогла бы управлять. Примеры такого поворота отчасти можно обнаружить в событиях 2005 года, когда местные организации КПРФ для того, чтобы не потерять инициативу и доверие своих традиционных сторонников, должна была активно поддерживать или даже возглавлять массовые протесты против «монетизации льгот», иногда отличавшееся радикализмом методов. Тем не менее необходимо признать, что само структурное место в КПРФ как «парагосударственной партии» сделало невозможным для нее деятельное участие в создании широкой общественной кампании против повышения пенсионного возраста, принципы и характер самопрезентации которой прямо противо-

речили бы ее сложившимся практикам и претензии на монополию в движениях социального протеста.

Организация Алексея Навального в свою очередь никак не включена в систему «электорального авторитаризма», и ее роль в протестах против пенсионной реформы определялась в основном как прямым противодействием властей, так и ее собственным персоналистским характером и иерархической структурой. На протяжении лета — осени 2018 года Навальный постоянно повторял в своих публичных выступлениях, что только он и его сторонники представляют единственную последовательную оппозицию пенсионной реформе, тогда как КПРФ и другие противники повышения пенсионного возраста создают ее имитацию в интересах властей. Эта линия вполне соответствовала политической культуре организации Навального, основанной на глубоком скепсисе к любым формам коалиций и коллективного принятия решений. Вполне в соответствии с известным определением популистской политики [Laclau, 2005] Навальный всегда выступал в качестве фигуры, определенным образом «конституирующим» «народ» в его не-тождестве правительству — как всех «нормальных людей», противостоящих вора́м и коррупционерам. Задача сопротивления планам пенсионной реформы явно делала необходимой пересмотр этой идеологической фигуры и связанной с ней организационной практики, исключающей коалиции.

Иными словами, это потребовало бы от сторонников Навального более определенного программного акцента на социальной справедливости, требовании перераспределения доходов и противодействия политике «строгой экономии», а также открытости к диалогу с независимыми профсоюзами, радикальными левыми и социальными движениями. Даже риторический призыв Навального к единству действий, обращенный к парламентской оппозиции, мог бы существенно расширить его аудиторию и способствовать началу публичной дискуссии о необходимости общей кампании против пенсионной реформы. Тем не менее подобные шаги должны были привести к серьезной корректировке предшествующей стратегии, к которой он оказался не готов.

В итоге два определяющих (хотя и в разной степени) участника потенциального социального движения против пенсионной реформы — КПРФ и организация Навального — в силу разных причин не содействовали его созданию. Основанная независимыми профсоюзами кампания «Народ против», очевидно, задумывалась как прообраз такого движения, однако не смогла придать выступлениям против реформы общую идентичность, а также построить эффективную сеть локальных активистских групп, которые могли бы снизу повлиять на политических лидеров.

Несмотря на совокупность политических и социальных обстоятельств, препятствовавших появлению в России масштабного движения против пенсионной реформы и правительственных практик «строгой экономии», его отсутствие летом — осенью 2018 года отнюдь не было предопределено. Такое движение не только выразило бы готовность к протесту значительной части населения, но и в полной мере соответствовало бы глобальному тренду массовых выступлений против неolibеральных реформ в социальной сфере и трудовых отношениях.

Социальные движения времен «строгой экономии» и кризиса репрезентации

90 Политика «строгой экономии», основанная на сокращении бюджетных расходов, расширении процессов приватизации общественных благ и отказе государства от социальных обязательств, стала практически универсальным ответом правящих элит на последствия экономического кризиса 2009 года. Стандарт такой политики, обоснованный необходимостью «оздоровления экономики» и «ростом конкурентоспособности», в практически неизменном виде приводился международными финансовыми институтами правительствам самых разных стран — от Греции до Аргентины.

В соответствии с описанной выше дискурсивной стратегией «деполитизации социальных вопросов» [Brown, 2006] эти меры представлялись в качестве безальтернативных и продиктованных неблагоприятными обстоятельствами, а население призывалось к «ответственности» перед лицом неизбежного падения доходов. Практики правительств, осуществлявших политику «строгой экономии», сопровождал особый тип рационализации, основанный, с одной стороны, на апелляции к морали (скромности, открытости к переменам и отказу от ресентимента), а с другой — к экономике как подобию фатума, неподвластной общей воле индивидов силе обстоятельств [Kelsey, Mueller, Whittle, Khosravinik, 2017]. Обратной стороной такого коллективного примирения с обстоятельствами, однако, должен стать рост персональной активности работников, для которых благодаря дерегуляции экономики открываются новые возможности. Как отмечал Дэвид Харви [2007, с. 195], «система личной ответственности приходит на смену социальной защите, которая раньше была обязательной функцией работодателя и государства», а финансовая «безопасность становится вопросом личного выбора». В этих общих характеристиках идеологического сопровождения неolibеральных реформ можно легко разглядеть близость с технократическим оправданием повышения пенсионного возраста, которое использовало российское правительство. В этом кон-

тексте не стоит забывать и о том, что повышение пенсионного возраста полностью соответствовало рекомендациям Международного валютного фонда, содержащимся в его недавнем аналитическом докладе о состоянии российской экономики [Заявление МВФ, 2018].

В свою очередь движения сопротивления «строгой экономии» и неолиберальным реформам в сфере труда и социальной защиты, возникшие в последнее десятилетие в разных регионах мира, должны были вести борьбу не только за отдельные конкретно достижимые цели. Эти движения включали в себя самые разные группы, чьи специфические интересы оказывались под угрозой и создавали общую идентичность в своем противостоянии с планами правительств. Такое противостояние неизбежно распространялось и на поле идеологии, так как новые движения протеста должны были предложить альтернативное видение отношений экономики и общества. Так, в 2016 году молодежный протест во Франции, получивший известность как *Nuit Debout*, был направлен против неолиберальных практик «управления рабочей силой», одновременно отражая «кризис репрезентации» и «нестабильность отношений гегемонии». С точки зрения Стасиса Ковелакиса [Kouvelakis, 2016], это сочетание выразилось в органичном для идентичности движения дискурсе, противопоставлявшего себя «боссам» и «капиталу».

91

Именно такой характер носит, по мнению Этьена Балибара, продолжающиеся во Франции выступления «желтых жилетов». Это движение появилось как ответ на две определяющих тенденции: «железный закон» сокращения доходов большинства (в том числе через повышение прямых налогов и ограничение прав наемных работников) и растущей «уберизации» интеллектуального труда, основанного на жесткой конкуренции между самозанятыми индивидами. «Желтые жилеты», объединенные не столько едиными требованиями, сколько общей идентичностью, представляют собой результат продолжающейся конвергенции разных типов и групп сопротивления, включающих массовые демонстрации, забастовки, оккупации школ, перекрытия автомагистралей и т.д. Это движение, не связанное ни с одной из партий, тем не менее имеет ярко выраженный политический характер, так как обнажает существующие противоречия системы политической репрезентации, предлагая ему альтернативу «само-репрезентации» или «контр-власти» [Balibar, 2018]. Таким образом, «желтые жилеты» своим действием демонстрируют общую природу социального и политического кризиса французского общества — ту непосредственную связь политики и экономики, отсутствие которой является одним из ключевых положений неолиберализма [Brown, 2006, p. 95].

Эта связь критики форм политической репрезентации и структурных социальных реформ характерна и для недавно возник-

шего протестного движения в Венгрии, в котором требования соблюдения прав наемных работников сочетаются с недовольством авторитарным характером режима Виктора Орбана [Tamas, 2018]. Недавним примером похожей взаимосвязи социальных и политических требований на постсоветском пространстве стало движение против роста тарифов на электричество в Армении летом 2014 года, которое во многом стало прообразом политической революции в этой стране весной 2018 года. Это движение, получившее известность как ElectricEgevan, стало ответом на решение правительства почти в полтора раза повысить стоимость электроэнергии. Несмотря на то что его инициаторами были преимущественно студенты и единомышленники из социальных сетей, оппозиционно настроенные к правительству Сержа Саргсяна выступления быстро стали массовыми и приняли общенародный характер [Andreasyan, Derluguian, 2015]. Протестующие призвали выходить на демонстрации, а также в знак солидарности с движением каждый день с 21:00 до 22:00 выключать в своих домах свет и все электрические приборы. Хотя некоторые комментаторы оценивали ElectricEgevan как в первую очередь «демократическое» и «роевропейское» движение [Mikhelidze, 2015], большинство его участников препятствовало попыткам развернуть во время демонстраций флаги ЕС и либеральных оппозиционных групп [Andreasyan, Derluguian, 2015]. Результатом массовых мобилизаций стал фактический отказ правительства от повышения тарифов уже в конце июня 2014-го. Однако созданная ElectricEgevan модель социального движения, направленного против власти и корпораций, превращающих объекты общих благ в источник частной прибыли, оказалась востребованной в протестах весны 2018-го, успех которых во многом был связан с самопрезентацией как общенародного и неполитического движения.

92

Неожиданно тематически близкий к российской ситуации пример можно обнаружить в Аргентине, где в конце 2017 года вспыхнули массовые протесты против пенсионной реформы. Незадолго до этих событий перонистское правительство Кристины Киршнер сменила правая «Коалиция перемен», поддерживающая президента Маурицио Макри. В соответствии с рекомендациями Международного валютного фонда для выхода из затяжного экономического кризиса была принята программа структурных реформ и сокращения расходов, которая должна была привести к «росту конкурентноспособности» аргентинской экономики. Одной из первых мер в этом направлении стало решение снизить размер минимальной пенсии и пересмотреть параметры индексации по уровню инфляции (что в условиях галопирующей инфляции, составившей в 2016 году до 40%, означало масштабное сокращение пенсий) [Ferre, 2018].

План реформы вызвал резкое противодействие большей части общества: согласно опросам, более 80% населения не одобряли правительственную программу «оздоровления экономики». Крупнейший аргентинский профсоюз CGT призвал к всеобщей забастовке, а здание парламента блокировали тысячи демонстрантов, чтобы не допустить голосования по вопросу о пенсиях. По всей стране возникли локальные протестные группы, в формировании которых активно участвовали профсоюзные активисты и представители левых партий. В итоге парламентское голосование по пенсионной реформе состоялось секретно ранним утром, что подорвало доверие к политической системе и обрушило популярность правительства Макри, совсем незадолго до этого получившего поддержку большинства на выборах [Ferre, 2018].

События 2011 года в Чили также демонстрируют, как социальное движение против конкретного проявления неолиберальных практик — на этот раз в области образования — активировало противоречия, связанные с кризисом политического представительства. Повышение стоимости обучения в университетах и школах, последовательно предпринятое несколькими чилийскими правительствами с 2006 года, не только затронуло интересы учащихся из малоимущих семей, но обнажило механизмы социальной сегрегации, лежавшие в основе всей чилийской системы образования. [Sehnbruch, Donoso, 2011]. Движение протеста было инициировано Федерацией университетских студентов Чили (президентом которой в этот период стала харизматичная активистка Коммунистической партии Камилла Вальехо), однако вскоре было поддержано коалицией родителей «Семьи за образование» и главным профсоюзным объединением страны CGT. В августе 2011 года в стране прошли массовые демонстрации, собравшие около 600 000 человек [Lagabure, Leiva, 2018], за которыми последовала всеобщая 48-часовая забастовка. Несмотря на то что движению не удалось повлиять на планы правительства, конфликт вокруг сферы образования оказал влияние на политические настроения чилийцев и их восприятие демократических ценностей. Так, в 2017 году уровень участия в выборах упал до 50% — самого низкого показателя со времен падения диктатуры Пиночета, а опросы показывали значительный разрыв между недоверием ко всем системообразующим партиям и сохраняющейся приверженностью демократии как принципу [Sehnbruch, Donoso, 2011].

Стоит вспомнить, что ранее движение, направленное против неолиберальной реструктуризации и приватизации природных ресурсов, привело к масштабным политическим изменениям в Бразилии, где в 2005 году президентом был избран Эво Моралес — первый в истории представитель коренного индейского населения,

возглавивший эту страну. На протяжении предшествующих лет вопрос природных ресурсов стал точкой политической поляризации, которая активировала расово-этнические, классовые и региональные противоречия. Движение против приватизации газовых месторождений вовлекло группы и организации, никогда прежде не действовавшие вместе — индейские общины, крестьянские организации, профсоюзы и объединения мелких торговцев [Hylton, Thompson, 2005].

Наконец, одним из актуальных примеров социальных движений в Европе, непосредственно направленных против мер «строгой экономии» и добившихся успеха, может служить кампания «Право на воду» (Right2Water) в Ирландии. Это движение в 2011–2013 гг. стало результатом массового недовольства неолиберальной политикой «строгой экономии», последовательно проводимой правым правительством партии Fianna Fail, а затем коалицией лейбористов и Fine Gael [Finn, 2015]. Решение о приватизации водоснабжения страны (и связанного с ней резкого роста тарифов) принято в ситуации кризиса Еврозоны в качестве одной из ключевых мер по «оздоровлению» ирландской экономики, предложенных Европейской комиссией. Эта политика, основанная на трансформации общих благ в источник прибыли частной компании, связала недовольство самых широких слоев населения с ключевыми вопросами доминирующей неолиберальной рациональности и обозначила кризис политической репрезентации. Традиционные партии страны и крупнейшие масс-медиа, безоговорочно поддерживавшие решение о приватизации воды, оказались противопоставлены массовому движению, организованному снизу. Несмотря на то что в кампании Right2Water активную роль играли представители радикальных левых — Sinn Fein, Социалистическая партия и альянс «Люди важнее прибыли» — у большинства ее локальных активистов не было никакого предшествующего политического опыта. Более того, кампания имела децентрализованный характер — ее группы на местах действовали автономно, ориентируясь на свои районные и деревенские сообщества, и объединяли усилия только накануне общенациональных протестов. Самая крупная из таких акций прошла в Дублине в октябре 2011 года, собрав более 100 000 участников (в стране с 5-миллионным населением). Важным элементом движения была тактика гражданского неповиновения — организованного и публичного отказа оплачивать пользование водой по новым тарифам. Несмотря на то, что такие призывы однозначно расценивались властями как нарушение закона и проявление экстремизма, количество тех, кто им все же последовал, в итоге заставило к лету 2016 года окончательно отказаться от планов приватизации [O'Holloran, 2016].

Все описанные движения при всех их различиях были построены на противопоставлении интересов общества и рынка, а их требования имели не только оборонительный, но и наступательный характер. Это обобщение, однако, в первую очередь связано со странами, где до появления подобных социальных движений уже существовала сильная традиция левой политики и общественной самоорганизации. В то же время движения против приватизации, неолиберальных реформ и политики «строгой экономии» отражали изменившуюся структуру занятости и были связаны с кризисом господствующей гегемонии. Более того, они создавали прецедент того, что Этьен Балибар [Balibar, 2018] характеризует как «конвергенцию борьбы», в которой в рамках общего движения сочетаются разные группы и типы сопротивления.

Заключение

В статье предпринят анализ (отнюдь не претендующий на полноту и завершенность) ситуации вокруг принятия пенсионной реформы в России в июне — сентябре 2018 года. Необходимо признать, что решение правительства о повышении пенсионного возраста не было ситуационным решением или «авантюрой» [Шейн, 2018], но обозначало принципиальный поворот в социальной политике по отношению к предшествующему периоду. Если попытка «монетизации льгот» 2005 года была предпринята в период экономического роста и отражала общее стремление правящей элиты к либерализации социальной сферы, то повышение пенсионного возраста в 2018-м представляет одну из составляющих комплексного ответа на вызовы экономического спада и политики снижения государственных доходов. Этот ответ в целом соответствует политике «строгой экономии», которая в разных вариантах практикуется сегодня правительствами в большинстве стран мира и представляется как безальтернативная.

Таким образом, в отличие от «монетизации льгот» пенсионная реформа для российского правительства изначально не являлась вопросом выбора и не подразумевала возможность маневра или хоть сколько-нибудь серьезных уступок под воздействием общественного мнения. В этом смысле нынешняя политика в отличие от социальных реформ 2005 года, не может обнаружить «пределов либерализации» [Cook, 2007, p. 122], обусловленных рисками потери массовой поддержки. Внушительные цифры электоральных провалов на региональных выборах в сентябре 2018 года, как и заметное снижение рейтингов одобрения деятельности президента и премьер-министра после объявления реформы, демонстрируют, что следствием мер «строгой экономии» в России, как и в любых других странах, становится вызов легитимности существующей политической системы.

Российская модель «электорального авторитаризма», которая прежде демонстрировала высокий уровень устойчивости даже в ситуации растущего недовольства конкретными действиями правительства или качеством отдельных государственных институтов, тем не менее пока не адаптировалась к политическим испытаниям, следующим за проведением комплексной программы «строгой экономии». Однако события лета — осени 2018 года демонстрируют, что политическая оппозиция, независимые профсоюзы и социальные движения адаптировались к этой новой реальности в еще меньшей степени.

Ситуация, сложившаяся вокруг принятия пенсионной реформы, обозначила, с одной стороны, резкий рост декларируемой готовности к протесту, а с другой — тех сил, которые могли бы этот протест не столько политически репрезентировать, сколько способствовать созданию массового социального движения, практически реализующего растущий потенциал пассивного протеста. Нужно признать, что обстоятельства «электорального авторитаризма» на сегодняшний день ограничивают возможности чистой популистской политики, которая могла «перевести на общий язык» недовольство разных групп населения.

96

Вероятно, в России в еще большей степени, чем в странах рыночной демократии, гораздо более востребованной может оказаться модель массового социального движения, которое сочетало бы общую идентичность и разнообразие групповых интересов и методов. Такое движение могло бы выразить уже заметные в российском обществе «усталость от патриотической мобилизации» и «тенденцию к самоорганизации» [Бызов, 2018]. Что касается его программы, то она неизбежно включала бы в себя требования, направленные против растущей коммерциализации образования и здравоохранения, вовлечения в отношения рынка публичных пространств (что отчасти проявляет себя в движении против «реновации» в Москве), более справедливого распределения доходов (в том числе через требование прогрессивного налога, уже звучавшего в период протестов против пенсионной реформы), утверждения размера минимальной заработной платы, отвечающей российским реалиям.

Такая программа, соответствующая левой политической повестке, может быть последовательной и мобилизующей лишь в тесной взаимосвязи с критикой существующей авторитарной модели, исключаяющей граждан из процесса принятия решений. Однако принципиально, что, как свидетельствует описанный выше опыт социальных движений против неолиберальных реформ в других странах, эта программа может стать действенной лишь как итог сочетания традиции левой и социально-ориентированной политики и живого опыта самоорганизации снизу.

Библиография

Антипова А. (2018) «На западном фронте без перемен»: главное из интервью Дмитрия Медведева. РБК. (https://www.rbc.ru/politics/06/12/2018/5c08fe529a79475e1d56ee89?from=center_1).

Бызов Л. (2018) Российское общество в постмобилизационной «ломке». *Русский европеец* (<http://rueuro.ru/item/54-rossijskoe-obshchestvo-v-postmobilizatsionnoj-lomke>).

Волков Д. (2018a) Усталость и пенсии. *Каргенги.ру* (<https://carnegie.ru/commentary/77148>).

Волков Д. (2018b) *Предпосылки осенних протестов* (<https://planperemen.org/opinion/volkov/16082018>).

Воронин И. (2018). От штрафов до увольнений. Как давят на противников пенсионной реформы. *Радио Свобода* (<https://www.svoboda.org/a/29404772.html>).

Гаазе К. (2018) Кремль действительно боится протестов? Карточки Константина Гаазе. *Медуза* (<https://meduza.io/cards/kreml-deystvitelno-boitsya-protestov-iz-zapovysheniya-pensionnogo-vozrasta-kartochki-konstantina-gaaze>).

Гавалова А., Обухов С. (2018) *Освещение федеральным телевидением митинга КИПРФ против пенсионной реформы 2 сентября 2018 г. Данные мониторинга за 2-3 сентября*. Сайт КИПРФ (<https://kprf.ru/tv/178660.html>).

Гончаров С. (2018) Пенсионная реформа в зеркале общественного мнения. *Riddle* (<https://www.ridl.io/ru/пенсионная-реформа-в-зеркале-обществ/>).

Гудков Л. (2018) Если олигархи восстанут, они без проблем организуют народ под свои нужды (Интервью). *Бизнес-онлайн* (<https://www.business-gazeta.ru/article/394625>).

Ефимова М. (2018) Навальный объявил всероссийскую акцию против пенсионной реформы. *Новая газета* (<https://www.novayagazeta.ru/news/2018/06/19/142598-navalnuy-ob-yavil-ob-aktsiyah-protesta-protiv-pensionnoy-reformy>).

Заявление миссии Международного валютного фонда в России (2018) Сайт МВФ (<http://www.imf.org/ru/news/articles/2018/05/23/mcs052318-russian-federation-staff-concluding-statement-of-the-2018-article-iv>).

Зюганов Г.А. (2018) Смута в России — это очень плохо (Интервью). *Deutsche welle* (<https://www.dw.com/ru/зюганов-о-пенсионной-реформе-смута-в-россии-это-очень-плохо/a-44839197>).

Иванова К. (2018) Эксперты назвали референдум КИПРФ против повышения пенсионного возраста «политическим шулерством». *РИАФАН* (<https://riafan.ru/1079676-eksperty-nazvali-referendum-kprf-protiv-povysheniya-pensionnogo-vozrasta-politicheskim-shulerstvom>).

Иноземцев В. (2018) *Протест не для всех: почему экономические проблемы не объединяют россиян*. РБК (<https://www.rbc.ru/opinions/politics/15/10/2018/5bc446e99a79477d4214faaf>).

Калинин И. (2014) Наш паровоз... Культурная политика как инструмент модернизации. *Неприкосновенный запас*, 6(98) (<http://magazines.russ.ru/nz/2014/6/6k.html>).

Карпенко М. (2018) «Разгул» заменили «разгоном». *Коммерсант* (<https://www.kommersant.ru/doc/3738600>).

Карта протестов Конфедерации труда России (КТР) (2018) (<https://yandex.ru/maps/?ll=66.826791%2C29.029903&mode=usermaps&source=constructorLink&um=constructor%3A6bba315064dce6c325fc915ec3b5bb2dfd7f0438a9adef7158c4b0a917732d8b&z=4>).

Клеман К., Мирясова О., Демидов А. (2010) *От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России*. М.: Три квадрата.

Кудрин А. (2018) Три задачи на два года. *Коммерсант* (<https://www.kommersant.ru/doc/3579103>).

Кудюкин П. (2018) «Остановить законопроект — достижимая цель» (Интервью). *Медуза* (<https://meduza.io/feature/2018/06/19/ostanovit-zakonoproekt-dostizhimaytsel>).

Левинсон А. (2018) Почему не было протестов против повышения пенсионного возраста. *Ведомости* (<https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2018/10/01/782520-ne>).

Матвеев И. (2015) Гибридная неолиберализация: государство, легитимность и неолиберализм в путинской России. *Полития*, 4 (79): 25-47.

Новости ОВД-Инфо (2018) Отказы в согласовании акций против пенсионной реформы 9 сентября. *ОВД-Инфо* (<https://ovdinfo.org/news/2018/08/31/otkazy-v-soglasovanii-aksiy-protiv-pensionnoy-reformy-9-sentyabrya>).

98

Новая газета (2018) Движение Кургияна передало в Администрацию президента более миллиона подписей против пенсионной реформы. *Новая газета* (<https://www.novayagazeta.ru/news/2018/09/25/145395-v-administratsiyu-prezidentaperedali-boleemilliona-podpisey-protiv-pensionnoy-reformy>).

Опрос Левада-центра (2018) Оценка текущего положения дел в стране. *Левада-центр* (<https://www.levada.ru/indikatory/polozhenie-del-v-strane/>).

Опрос ФОМ (2018) О пенсионном возрасте и отношении к идее его повысить. *Фонд «Общественное мнение»* (<https://fom.ru/Ekonomika/14043>).

Петиция Конфедерации труда России (2018) «Не повышать пенсионный возраст!» *Change.org* (<https://www.change.org/не-повышать-пенсионный-возраст>).

Петров Н., Кынев А., Титков А. (2018) Мониторинг самочувствия регионов. *Комитет гражданских инициатив* (<https://komitetgi.ru/analytics/3946/>).

Половинко В. (2018) Коммунисты сидят тихо. *Новая газета* (<https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/09/20/77893-kommunisty-sidyat-tiho-nedovolstvo-pensionnoy-reformoy-daet-vozmozhnost-kprf-stat-realnym-opponentom-vlasti-nopartiysam-slishkom-horosho-v-roliglavnoy-sistemnoy-oppozitsii>).

Постановление V Пленума ЦК КПРФ «Пенсионная реформа — вызов обществу» (2018) (<https://kprf.ru/party-live/cknews/177190.html>).

Программная декларация Конфедерации труда России (2011) (<http://www.ktr.su/about/doc/doc1.php>).

Рустамова Ф., Горяшко С., Козлов П. (2018) Выборы 9 сентября: ставленники Кремля теряют поддержку в регионах из-за пенсионной реформы. *Русская служба ВВС* (<https://www.bbc.com/russian/features-45467375>).

Хамраев В. (2018) КПРФ не сможет провести референдум против повышения пенсионного возраста. *Коммерсант* (<https://www.kommersant.ru/doc/3724774>).

Харви Д. (2007) *Краткая история неолиберализма*. М: Поколение.

Шеин О. (2018) «Проект пенсионной реформы — чистой воды авантюра» (Интервью). *RTVI* (<https://rtvi.com/vy-derzhites/oleg-shein/>).

Юдин Г. (2018) Страна, распавшаяся на атомы (Интервью). *Новая газета* (<https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/12/18/78978-strana-raspavshayasya-na-atomy>).

Andreasyan Z., Derluguian G, Armenia's fuel protests. *New Left Review*, 95, September-October 2015 (<https://newleftreview.org/II/95/georgi-derluguian-zhanna-andreasyan-armenia-s-fuel-protests>).

Balibar E. (2018) «Gilets jaunes»: The meaning of confrontation. (Interview). *Verso* (https://www.versobooks.com/blogs/4191-gilets-jaunes-the-meaning-of-the-confrontation?fbclid=IwAR00erEJ4rnpLkdd-xuuHc5xXDQJFjmJsnH25YbwcVrN_JDwtYd9-B87ooc).

Brown W. (2006) American Nightmare: Neoliberalism, Neoconservatism, and De-Democratization. *Political Theory*, 34 (6): 690-714.

Chandler A. (2004) *Shocking Mother Russia: Democratization, Social Rights, and Pension Reform in Russia, 1990–2001*, Toronto: University of Toronto Press.

Cook L. (2007) *Post-Communist Welfare States: Reform Politics in Russia and Eastern Europe*, Ithaca: Cornell University Press.

Diamond L (2002) Thinking About Hybrid Regimes. *Journal of Democracy*, 13 (2): 21-35.

Ferre J.C. (2018) Argentina's New Austerity. *NACLA. Reports on America's* (<https://nacla.org/news/2018/01/08/argentina%E2%80%99s-new-austerity>).

Finn D. (2015) Water Wars in Ireland. *New Left Review*, 95 (<https://newleftreview.org/II/95/daniel-finn-ireland-s-water-wars>).

Golosov G. (2011) The Regional Roots of Electoral Authoritarianism in Russia. *Europe-Asia Studies*, 63 (4): 623-639.

Gvozdev N.K. (2002) Mexico and Russia: Mirror Images? *Democratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, 10(4): 488-508.

Hemment J. (2009) Soviet-Style Neoliberalism? *Problems of Post-Communism*, 56 (6): 36-50.

Hylton F., Thompson S. (2005) The Chequered Rainbow. *New Left Review*, 35 (<https://newleftreview.org/II/35/forrest-hylton-sinclair-thomson-the-chequered-rainbow>).

O'Holloran M. (2016) Billing of water charges to be suspended next week. *Irish Times* (<https://www.irishtimes.com/news/politics/oireachtas/billing-of-water-charges-to-be-suspended-next-week-1.2698891>).

Kelsey D., Mueller F., Whittle A., Khosravinik (2017) *The Discourse of Financial Crisis and Austerity: Critical analyses of business and economics across disciplines*. Routledge.

Kouvelakis S. (2016) What's Next for Nuit Debout? (Interview). *Jacobin* (<https://www.jacobinmag.com/2016/05/nuit-debout-france-el-khomri-syriza-occupations/>).

Laclau E. (2005) Populism: What's in a Name? *Populism and the Mirror of Democracy*. London; N.Y.: Verso.

Larrabure M., Leiva F. (2018) The Rise of a New Left in Chile? *NACLA. Reports on America's* (<https://nacla.org/news/2018/01/19/rise-new-left-chile>).

March L. (2009) Managing opposition in a Hybrid Regime: Just Russia and Parastatal Opposition. *Slavic Review*, 68 (3): 504-527.

March L. (2012) Problems and perspectives of contemporary European radical left parties: Chasing a lost world or still a world to win? *International Critical Thought*, 2 (3): 314-339.

Mikhelidze N. (2015) #ElectricYerevan: Why Armenia's Future is in Europe. *Istituto Affari Internazionali (IAI) Working Papers*, 1.

Robertson G.B. (2011) *The Politics of Protest in Hybrid Regimes: Managing Dissent in Post-.* Cambridge: Cambridge University Press.

Sakwa R. (2013) The politics of protest in hybrid regimes: managing dissent in post-communist Russia. *Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity*, 41 (1): 220-222.

Sehnbruch K., Donoso S. (2011) Chilean winter of discontent: are protests here to stay? *Opendemocracy* (<https://www.opendemocracy.net/kirsten-sehnbruch-sofia-donoso/chilean-winter-of-discontent-are-protests-here-to-stay>).

Tamas G.M. (2018) Revolt Against Orban (Interview). *Jacobin* (<https://www.jacobinmag.com/2018/12/hungary-protests-viktor-orban-work-overtime>).

Tilly C. (2004) *Social movements 1768-2004*, London: Paradigm Pub.

Treborn G. (2014) New masses? *New Left Review*, 85. (<https://newleftreview.org/II/85/goran-therborn-new-masses>).

Wengle S., Rasel M. (2008) The monetisation of l'goty: Changing patterns of welfare politics and provision in Russia. *Europe-Asia Studies*, 60 (5): 739-756.

References

Andreasyan Z., Derluigian G, Armenia's fuel protests. *New Left Review*, 95, September-October 2015 (<https://newleftreview.org/II/95/georgi-derluigian-zhanna-andreasyan-armenia-s-fuel-protests>).

Antipova A. (2018) «*Na zapadnom fronte bez peremen*»: glavnoe iz interv'yu Dmitriya Medvedeva. [*All Quiet on the Western Front*]: the most important from Dmitry Medvedev's interview]. RBK. (https://www.rbc.ru/politics/06/12/2018/5c08fe529a79475e1d56ee89?from=center_1).

Balibar E. (2018) «Gilets jaunes»: The meaning of confrontation. (Interview). *Verso* (https://www.versobooks.com/blogs/4191-gilets-jaunes-the-meaning-of-the-confrontation?fbclid=IwAR00erEJ4rnpLkdd-xuuHc5xXDQJFjmJsnH25YbwcVrN_JDwtYd9-B87ooc).

Brown W. (2006) American Nightmare: Neoliberalism, Neoconservatism, and De-Democratization. *Political Theory*, 34 (6): 690-714.

Byzov L. (2018) Rossijskoe obshchestvo v postmobilizacionnoj «lomke» [Russian society in the "post-mobilization" withdraw syndrome"]. *Russkij evropееc [The Russian*

European] (<http://rueuro.ru/item/54-rossijskoe-obshchestvo-v-postmobilizatsionnoj-lomke>).

Chandler A. (2004) *Shocking Mother Russia: Democratization, Social Rights, and Pension Reform in Russia, 1990–2001*, Toronto: University of Toronto Press.

Cook L. (2007) *Post-Communist Welfare States: Reform Politics in Russia and Eastern Europe*, Ithaca: Cornell University Press.

Diamond L (2002) Thinking About Hybrid Regimes. *Journal of Democracy*, 13 (2): 21-35.

Efimova M. (2018) Naval'nyj ob'yavil vserossijskuyu akciju protiv pensionnoj reform [Navalny announced a nationwide campaign against pension reform]. *Novaya gazeta*. (<https://www.novayagazeta.ru/news/2018/06/19/142598-navalnyy-ob-yavil-ob-aktsiyah-protesta-protiv-pensionnoy-reformy>).

Ferre J.C. (2018) Argentina's New Austerity. *NACLA. Reports on America's* (<https://nacla.org/news/2018/01/08/argentina%E2%80%99s-new-austerity>).

Finn D. (2015) Water Wars in Ireland. *New Left Review*, 95 (<https://newleftreview.org/II/95/daniel-finn-ireland-s-water-wars>).

Gaaze K. (2018) Kreml' dejstvitel'no boitsya protestov? Kartochki Konstantina Gaaze [Is the Kremlin really afraid of protests? Konstantin Gaaze's speaking notes]. *Meduza* (<https://meduza.io/cards/kreml-deystvitelno-boitsya-protestov-iz-za-povysheniya-pensionnogo-vozrasta-kartochki-konstantina-gaaze>)

Gavalova A., Obuhov S. (2018) *Osveshchenie federal'nym teledeniem mitinga KPRF protiv pensionnoj reformy 2 sentyabrya 2018 g. Dannye monitoringa za 2-3 sentyabrya. Sajt KPRF. [Federal television coverage of the Communist Party rally against the pension reform on September 2, 2018. Monitoring data for September 2–3. Website of the Communist party of Russian Federation]* (<https://kprf.ru/tv/178660.html>).

Golosov G. (2011) The Regional Roots of Electoral Authoritarianism in Russia. *Europe-Asia Studies*, 63 (4): 623-639.

Goncharov S. (2018) Pensionnaya reforma v zerkale obshchestvennogo mneniya. [Pension reform in the mirror of public opinion]. *Riddle* (<https://www.ridl.io/ru/пенсионная-реформа-в-зеркале-обществ/>).

Gudkov L. (2018) Esli oligarhi vosstanut, oni bez problem organizuyut narod pod svoi nuzhdy (Interv'yuu) [If the oligarchs rebel, they will organize the people for their needs without any problems (Interview)]. *Biznes-onlajn [Business-online]* (<https://www.business-gazeta.ru/article/394625>).

Gvozdev N.K. (2002) Mexico and Russia: Mirror Images? *Democratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization* 10 (4): 488-508.

Hamraev V. (2018) KPRF ne smozhet provesti referendum protiv povysheniya pensionnogo vozrasta [The Communist Party of the Russian Federation will not be able to hold a referendum against raising the retirement age]. *Kommersant* (<https://www.kommersant.ru/doc/3724774>).

Harvey D. (2007) *Kratkaya istoriya neoliberalizma [The brief history of neoliberalism]*, Moscow: Pokolenie.

Hemment J. (2009) Soviet-Style Neoliberalism? *Problems of Post-Communism*, 56 (6): 36-50.

Hylton F., Thompson S. (2005) The Chequered Rainbow. *New Left Review*, 35 (<https://newleftreview.org/II/35/forrest-hylton-sinclair-thomson-the-chequered-rainbow>).

Inozemcev V. (2018) Protest ne dlya vsekh: pochemu ehkonomicheskie problemy ne ob»edinyayut rossiyan [The protest is not for everyone: why economic problems do not unite the Russians]. *RBK* (<https://www.rbc.ru/opinions/politics/15/10/2018/5bc446e99a79477d4214faaf>).

Ivanova K. (2018) EHksperty nazvali referendum KPRF protiv povysheniya pensionnogo vozrasta «politicheskim shulerstvom» [Experts called the Communist Party referendum against raising the retirement age «political cheating»]. *RIAFAN*. (<https://riafan.ru/1079676-eksperty-nazvali-referendum-kprf-protiv-povysheniya-pensionnogo-vozrasta-politicheskim-shulerstvom>).

Kalinin I. (2014) Nash parovoz... Kul'turnaya politika kak instrument demodernizacii [Our locomotive ... Cultural policy as a tool for demodernization]. *Neprikosnovennii zapas*, 6(98). (<http://magazines.russ.ru/nz/2014/6/6k.html>).

Karpenko M. (2018) «Razgul» zamenili «razgonom» [«Rampage» was replaced by «crackdown»]. *Kommersant* (<https://www.kommersant.ru/doc/3738600>).

Karta protestov Konfederacii truda Rossii (KTR) (2018) [Confederation of labor of Russia's map of protests] (<https://yandex.ru/maps/?ll=66.826791%2C29.029903&mode=usermaps&source=constructorLink&um=constructor%3A6bba315064dce6c325fc915ec3b5bb2dfd7f0438a9adef7158c4b0a917732d8b&z=4>).

Kelsey D., Mueller F., Whittle A., Khosravini (2017) *The Discourse of Financial Crisis and Austerity: Critical analyses of business and economics across disciplines*, Routledge.

Kleman K., Miryasova O., Demidov A. (2010) *Ot obyvatelej k aktivistam. Zarozhdayushchiesya social'nye dvizheniya v sovremennoj Rossii [From philistines to activists. Emerging social movements in contemporary Russia]*, M.: Tri kvadrata.

Kouvelakis S. (2016) What's Next for Nuit Debout? (Interview). *Jacobin* (<https://www.jacobinmag.com/2016/05/nuit-debout-france-el-khomri-syriza-occupations/>)

Kudrin A. (2018) Tri zadachi na dva goda [Three tasks for two years]. *Kommersant* (<https://www.kommersant.ru/doc/3579103>).

Kudyukin P. (2018) «Ostanovit' zakonoproekt — dostizhimaya cel'» (Interv'yū) [«Stop the bill — an achievable goal» (Interview)]. *Meduza* (<https://meduza.io/feature/2018/06/19/ostanovit-zakonoproekt-dostizhimaya-tsel>)

Laclau E. (2005) *Populism: What's in a Name? Populism and the Mirror of Democracy*. London; N.Y.: Verso.

Larrabure M., Leiva F. (2018) The Rise of a New Left in Chile? *NACLA. Reports on America's* (<https://nacla.org/news/2018/01/19/rise-new-left-chile>).

Levinson A. (2018), Pochemu ne bylo protestov protiv povysheniya pensionnogo vozrasta [Why there were no protests against raising the retirement age]. *Vedomosti* (<https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2018/10/01/782520-ne>).

March L. (2009) Managing opposition in a Hybrid Regime: Just Russia and Parastatal Opposition. *Slavic Review*, 68 (3): 504-527.

March L. (2012) Problems and perspectives of contemporary European radical left parties: Chasing a lost world or still a world to win? *International Critical Thought*, 2 (3): 314-339.

Matveev I. (2015) Gibridnaya neoliberalizaciya: gosudarstvo, legitimnost' i neoliberalizm v putinskoj Rossii [Hybrid neoliberalization: state, legitimacy and neoliberalism in Putin's Russia. *Politia*, 4 (79): 25-47.

Mikhelidze N. (2015) #ElectricYerevan: Why Armenia's Future is in Europe. *Istituto Affari Internazionali (IAI) Working Papers*, 1.

Novaya gazeta (2018) Dvizhenie Kurginyana peredalo v Administraciyu prezidenta bolee milliona podpisей protiv pensionnoj reformy [Kurginyan's Movement has transferred to the Presidential Administration more than a million signatures against pension reform]. *Novaya gazeta* (<https://www.novayagazeta.ru/news/2018/09/25/145395-v-administratsiyu-prezidenta-peredali-bolee-milliona-podpisey-protiv-pensionnoy-reformy>).

Novosti OVD-Info (2018) Otkazy v soglasovanii akcij protiv pensionnoj reformy 9 sentyabrya. [News OVD-Info. Refusals in the coordination of actions against pension reform on September 9]. *OVD-Info* (<https://ovdinfo.org/news/2018/08/31/otkazy-v-soglasovanii-akcij-protiv-pensionnoy-reformy-9-sentyabrya>).

O'Holloran M. (2016) Billing of water charges to be suspended next week. *Irish Times* (<https://www.irishtimes.com/news/politics/oireachtas/billing-of-water-charges-to-be-suspended-next-week-1.2698891>).

Opros FOM (2018) O pensionnom vozraste i otnoshenii k idee ego povysit'. Fond «Obshchestvennoe mnenie» [On retirement age and attitude to the idea to raise it]. *Public Opinion Foundation* (<https://fom.ru/Ekonomika/14043>).

Opros Levada-centra (2018) Ocenka tekushchego polozheniya del v strane. Levada-centr [Survey of the Levada Center. Assessment of the current state of affairs in the country]. *Website of Levada-center* (<https://www.levada.ru/indikatory/polozhenie-del-v-strane/>).

Peticiya Konfederacii truda Rossii (2018) «Ne povyshat' pensionnyj vozrast!» [Petition of the Confederation of Labor of Russia “Do not raise the retirement age!"]. *Change.org* (<https://www.change.org/не-повышать-пенсионный-возраст>).

Petrov N., Kynev A., Titkov A. (2018) *Monitoring samochuvstviya regionov. Komitet grazhdanskikh iniciativ* [Monitoring of regions' well-being. Civil Initiatives Committee]. (<https://komitetgi.ru/analytics/3946/>).

Polovinko V. (2018) Kommunisty sidyat tiho [Communists are quiet]. *Novaya gazeta* (<https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/09/20/77893-kommunisty-sidyat-tiho-nedovolstvo-pensionnoy-reformoy-daet-vozmozhnost-kprf-stat-realnym-opponentom-vlasti-no-partiytsam-slishkom-horosho-v-rol-i-glavnoy-sistemnoy-oppozitsii>).

Postanovlenie V Plenuma CK KPRF «Pensionnaya reforma — vyzov obshchestvu» (2018) [Resolution of the 5th Plenum of the Central Committee of the Communist Party of the Russian Federation “Pension reform — a challenge to society”]. *Website of KPRF* (<https://kprf.ru/party-live/cknews/177190.html>).

Programmynaya deklaraciya Konfederacii truda Rossii (2011) [Program Declaration of the Confederation of Labor of Russia. Website of the Confederation of Labor of Russia] (<http://www.ktr.su/about/doc/doc1.php>).

Robertson G.B. (2011) *The Politics of Protest in Hybrid Regimes: Managing Dissent in Post*., Cambridge: Cambridge University Press.

Rustamova F., Goryashko S., Kozlov P. (2018) Vybory 9 sentyabrya: stavlenniki Kremlya teryayut podderzhku v regionah iz-za pensionnoj reform [Elections September 9: Kremlin pawns lose support in the regions due to pension reform]. *Russian BBC* (<https://www.bbc.com/russian/features-45467375>).

Sakwa R. (2013) The politics of protest in hybrid regimes: managing dissent in post-communist Russia. *Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity*, 41 (1): 220-222.

Sehnbruch K., Donoso S. (2011) Chilean winter of discontent: are protests here to stay? *Opendemocracy* (<https://www.opendemocracy.net/kirsten-sehnbruch-sofia-donoso/chilean-winter-of-discontent-are-protests-here-to-stay>).

SHein O. (2018) «Proekt pensionnoj reformy — chistoj vody avanturya» (Interv'yuu) [«Project of pension reform — pure adventure» (Interview)]. *RTVI* (<https://rtvi.com/vy-derzhites/oleg-shein/>).

Tamas G.M. (2018) Revolt Against Orban (Interview). *Jacobin* (<https://www.jacobinmag.com/2018/12/hungary-protests-viktor-orban-work-overtime>).

Tilly C. (2004) *Social movements 1768-2004*, London, Paradigm Pub.

Treborn G. (2014) New masses? *New Left Review*, 85 (<https://newleftreview.org/II/85/goran-therborn-new-masses>).

Volkov D. (2018a) Ustalost' i pensii. [Lassitude and pensions]. *Каргензу.ру* (<https://carnegie.ru/commentary/77148>).

Volkov D. (2018b) Predposylki osennih protestov [The background of the autumn protests. *The plan of change*] (<https://planperemen.org/opinion/volkov/16082018>).

Voronin I. (2018). Ot shtrafov do uvol'nenij. Kak davyat na protivnikov pensionnoj reformy [From fines to layoffs. How to put pressure on opponents of pension reform]. *Radio Svoboda [Radio Liberty]*. (<https://www.svoboda.org/a/29404772.html>).

Wengle S., Rasel M. (2008) The monetisation of l'goty: Changing patterns of welfare politics and provision in Russia. *Europe-Asia Studies*, 60 (5): 739-756.

Yudin G. (2018) Strana, raspavshayasya na atomy (Interv'yuu) [The country divided into atoms (Interview)]. *Novaya gazeta* (<https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/12/18/78978-strana-raspavshayasya-na-atomy>).

Zayavlenie missii Mezhdunarodnogo valyutnogo fonda v Rossii (2018) [Statement of the International Monetary Fund Mission in Russia]. IMF Website. (<http://www.imf.org/ru/news/articles/2018/05/23/mcs052318-russian-federation-staff-concluding-statement-of-the-2018-article-iv>).

Zyuganov G.A. (2018) Smuta v Rossii — ehto ochen' ploho (Interv'yuu) [Distemper in Russia — this is very bad (Interview)]. *Deutsche welle*. (<https://www.dw.com/ru/зюганов-о-пенсионной-реформе-смута-в-россии-это-очень-плохо/a-44839197>).

Рекомендация для цитирования/For citations:

Будрайтскис И.Б. (2018) Российская пенсионная реформа и сопротивление: уроки отсутствовавшего движения. *Социология власти*, 30 (4): 69-105.

Budraitskis I.B. (2018) Pension Reform and Resistance in Russia: the Lessons of the Movement that Failed to Happen. *Sociology of Power*, 30 (4): 69-105.

Поступила в редакцию: 12.12.2018; принята в печать: 18.12.2018